

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН №22 ГАЗЕТА

Рахимжан Отарбаев / Амазонки нашего аула

90
лет

ОТАРБАЕВ Рахимжан

родился в 1956 году в Курмангазинском районе Атырауской области Казахстана. Окончил Уральский пединститут имени Пушкина.

Творческую работу начал в редакции газеты «Казак эдебиети», заведовал отделом в журнале «Жалын», был атташе в посольстве Республики Казахстан, председателем Мангистауской телерадиокомпании, директором драмтеатра, заведовал сектором администрации Президента Республики Казахстан.

В 2009 году назначен Генеральным директором Национальной академической библиотеки.

Р. Отарбаев — известный писатель и драматург, член правления Союза писателей РК и казахского Пен-клуба. Лауреат Премии им. Махамбета, Международной премии им. Чингиза Айтматова. Академик, Заслуженный деятель культуры Республики Казахстан. Его произведения переведены на русский, киргизский, турецкий, арабский, английский языки.

Живет в Астане.

Из очерка Георгия Пряхина «И смех, и слёзы, и любовь»

С Рахимжаном Отарбаевым я долгое время был знаком только по телефону. Время от времени он звонил мне из Астаны, и я слышал негромкий, с хрипотцой, голос человека, старающегося безукоризненно подбирать и произносить русские слова и потому выдающего их как начальные, вразрядку, капли степного летнего дождя. И про себя думал: ну, вот уже и казахи *стараются* — былая всеобщая русская скороговорка постепенно сходит с былых имперских территорий.

А что остаётся? В данном случае, уверяю вас, потерь нет. Ведь есть вещи и поважней артикуляции. Русская культура, наша общая, под одним не очень ласковым небом сконденсированная живительная влага проникла, пропиталась, в данном случае до самых корней, соединившись с другой древней, феерической духовной субстанцией — Отарбаев пишет на подчёркнуто казахском, но смех сквозь слёзы в нём так узнаваем.

...На примере Рахимжана Отарбаева можно судить, что нарождается сегодня в серьёзной казахской литературе — не пустоцветы.

Чем отличается мудрый человек от умных? Много дефиниций есть на этот счет. У каждого своя — и у меня тоже. Я считаю, что умные часто посмеиваются над *другими*, а мудрый — над собой. Даже в тех отарбаевских рассказах, где автор, рассказчик формально не присутствует, его улыбка, в меру озорная и в ещё большей мере печальная, всё равно витает над этой незримой, отсутствующей фигурой. У каждого из нас свой нимб, а у кого какой — это уж кому как повезёт, кто у какой раздачи достоялся.

Мне этот автор интересен ещё и тем, что в чём-то повторяет и мою собственную молодость: до недавнего времени трудился в серьёзных властных структурах Казахстана. В какой-то степени это в традициях и русской, и казахской литературы: и Фёдор Достоевский, и его

юный друг, казах Чокан Валиханов, ходили в шинелях, правда, разной выделки. Шинелью, только более нежной фактуры, был и дипломатический фрак отарбаевского коллеги Фёдора Тютчева. На одни должности нас назначают живые люди, на другие — Судьба. И мне кажется, что в случае с писателем Рахимжаном Отарбаевым она, Судьба, не ошиблась.

...С помощью этого человека, даже посредством этого человека — не только через его творчество — узнаю тот Казахстан, который либо был для меня когда-то сокрыт, либо народился в новейшие уже времена.

...Отарбаев же и открывает нам мифологический и даже мистический Казахстан.

Его рассказы и повести действительно пронизаны, как неким дальним, мерцающим отсветом, преданиями и верованиями своего народа.

В большинстве своём современные и даже остросовременные по сюжету, они приобретают феноменальную особенность. Их корешки сокрыты. Они не висят в воздухе. Они — не гидропонного происхождения. Уходят куда-то вглубь, и это придаёт лучшим вещам Отарбаева стереоскопичность, дополнительный объём и ту многозначность, без которой не бывает подлинного искусства. Они не просто неоднородны — они и сами мерцают, как будто бы со дна.

...Его герои смеются и плачут. А как замечательно причитают эти его зачастую совсем не литературные герои! Да, плачут, правда, тоже чаще, чем смеются.

А смех сквозь слёзы, до слёз на ресницах, как и любовь до слёз это и есть литература. Особенно сегодняшняя. Особенно настоящая.

ГОСТИНЦЫ ИЗ КИТАЯ

После предвечерней молитвы прогремели первым громом грозовые тучи, перерезав пуповину наступившей весны. Аул, наконец-то высвободив исхудалую шею из холодного хомута зимы, ликовав, подставляясь под светлый моросящий дождь: «Эх, благодать-то, какая!» — уже увязывая с ней свои новые надежды.

Даже полугодовалая домашняя скотина, идущая с выпаса, медленно ступая, не спешила втиснуться в загон, пропахший залежалым зимним навозом.

В это время Базаркуль приступала доить свою чёрную бурёнку, упругими струями вспенивая молоко, а Умирбай, с палкой в руке, не подпускал молодого телёнка.

— Эй, муженек, слышал, о чем говорят? Вернулся Такай, ездивший проведывать своих родственников за границей. Полный хурджун гостинцев и всякой всячины привез, — обращается к нему жена, дергая коровьи соски. Розовощекая и крепкая женщина, не обращая внимания на теленка, продолжала доить. Струя молока звучно билась о дно и края ведра «сыр-сыр», а телёнок тем временем нетерпеливо вертелся. — Слышала от соседки. Бедняжка на человека стала похожа.

Умирбай, словно очнувшись, стал озираться: то на жену, сидящую на корточках, то на покорно раскоряченную чёрную корову, то на беспокойного пятнистого теленка.

— И-и, да отгони ты его! Смотри-ка, какая упорная, все внимание к своему теленку, не хочет молоко давать. Словно всё выдоят. Ладно, соси свою мать!

Среднего роста, смуглый, с топорщащимися усами и горбатым носом, не чувствуя ни рук, ни ног, он будто слился с вечерними сумерками.

Базаркуль, будто вспомнив что-то, резко встала.

— Прибыли когда-то, сбежав из Китая, заеденные вшами. А теперь, глядите-ка, начинают наглеть.

И вечерние сумерки, и злые слова жены, казалось, только усиливали молчаливое оцепенение мужа. Он не обратил внимания ни на Базаркуль, которая, со стуком хлопнув калиткой, скрылась в доме, ни на телёнка, тыкающего мордочкой вымя и пускающего пену. «Такай вернулся» — только одна эта фраза звучала в недрах его ушей и не давала покоя. Разрозненные мысли не оставили его и за дастарханом.

— Господи, люди уже по горло сыты дешёвыми вещами из Китая, — не унималась и за ужином его симпатичная жена, на лице которой стали только появляться первые морщинки. Она вскипала и без угольев вместе с медным самоваром, стоящим рядом.

— Вид у тебя почему неважный?

— Да так... Ничего особенного...

— Только что звонили дочь и зять из Астаны, говорят, приедем. Ерлан, мол, твердит, что соскучился по деду с бабушкой. Мой ангелочек — быть данью на твоём пути! Утром эту яловую овцу на пастбище не выпускай. Пусть отведают свежего бульона.

Только было начала стихать говорливая Базаркуль, как, скрипнув, открылась входная дверь и в дом шагнул Такай. С шумом бросив у порога объёмный узел, церемонно, растягивая приветствие, поздоровался.

— Боже, ты посмотри на него! Щёки румяные, прямо помолодел. Видно, хорошо тебя там умастили?

— Давай, женге, разогревай снова чай. И маслом намастили, и подарков насовали, что там спрашивать!

Умирбай растерянно пропустил младшего по возрасту соседа на почётное место, а сам, не вставая, отодвинулся ближе к печи.

— Скажи ещё, что их собаки морду воротят от сливочного масла, — насмешливо пошутила Базаркуль, беря в руки заварной фарфоровый чайник.

— Живы ли, здоровы ли родичи наши? — спросил Умирбай, немного погодя.

— Ой, дядя, и стар, и млад, все шлют пламенный привет. Там уже не те времена. Нету, как раньше, босяков. Живут в ногу со временем.

Глаза Умирбая опечалились, и их снова покрыла невидимая завеса. Шутки и спор молодого деверя и жены едва-едва касались его слуха.

Когда остались одни, жена дотронулась до него:

— На, попробуй, примерь. Говорят же, что с паршивой овцы хоть шерсти клок. Передала твоя жена, та, что осталась в Китае...

Схватив какую-то блестящую шёлковую ткань голубого отлива: «Какая красивая!» — изумлялась: —

Вот ещё прислала и этот крохотный магнитофон, как детская ладонь. Э, обездоленная, что ей остаётся?!

Чёрная дублёнка, мягкая как плюш и отлично сшитая, сидела на нём как влитая. Она оказалась длиннополой, до лодыжек. По телу пробежало тепло.

— Тебе не идёт! — заявила тем не менее Базаркуль. — Разве пожилому человеку к лицу такая одежда? Говорят, в Астане трескучие морозы. Отдай нашему зятю! Посмотри, какой удачливый. А ткань давай отдадим дочери. Пусть обрадуется и сошьёт себе платье. А как же Ерланчик обрадуется, когда увидит магнитофон! Ладно, муженёк, давай спать. Утром скот на выпас пораньше отправим. — Базаркуль, с неожиданно приподнятым настроением, покачивая бедрами, как в первое время супружества, стала стелить постель. Даже белые свежие простыни вынула. И так же играючи, втиснула в шкаф дублёнку и свёрнутый отрез материи.

Хотя время перевалило далеко за полночь, веки Умирбая никак не хотели склеиваться. Лежавшая рядом молодая женщина, с первыми морщинками на смазливом лице, откатилась к стене, переворачиваясь с боку на бок, и мирно посапывала. Как всегда, до самого утра, как выброшенный на берег желтобрюхий сазан, так и будет отбиваться, то от себя, то от покрывала.

— У нашей женге есть два выдающихся свойства: сон у неё крепче камня, а речь горше яда, — шутит за глаза сосед Такай.

Как же он мог уснуть, если его мысли бродили на китайской стороне, хотя тело покоилось на этой постели. Назойливые мысли, стоит им только взобраться на своего конька... Подняли пыль на одном пригорке, а скачут уже к другому...

Его родители перебрались за границу в те годы, когда белые бежали, а красные гнались за ними. Остановившись в Кульдже, жили по тем временам достаточно сытно и спокойно.

Будучи единственным сыном, он рос избалованным. Китайцев рядом почти не было. Это уже потом, переселив из внутреннего Китая неженатых мужчин и незамужних девушек, Пекин за один день заполнил ими пустующие земли.

Те не могли прижиться на первых порах. Собирались вечерами у оврага, вглядываясь в ту сторону, откуда прибыли, плакали сообща. Местные казахи, собравшись, чтобы поглазеть на то, как китайцы жарили на костре и ели мышей, поднимали их на смех. Кто знал, что эти жалкие люди, как только переменяются времена и нагрянут война и смута, изменившись вмиг, возьмутся за оружие, составив войсковые отряды?

Взял в жёны девушку, сосватанную отцом. Не успело остыть ложе молодожёнов, как его дядя Оспан взбудоражил все четыре стороны света. Протестовал и против тесных оков старой власти, а затем уже и против гоминдановского режима.

— Кто считает себя патриотом и радеет за народ, пусть сядет на коней! А кто не может, того затопчут красные пятки китайцев! — бросил свой клич Оспан.

Мать ни за что не желала отпускать Умирбая. Но никакими уловками не смогла противостоять напору и неумолимости отца.

— Иди, будь с ними! — сказал аксакал, пронизывая взглядом. — Доверься Всевышнему: Душа — порука твоя, а жизнь — доля твоя. Оспан — герой народа, а цель народа — свобода! Мы не святее этих ценностей. Иди!

— В своем ли ты уме? Единственного сына отправляешь на войну! Он изнежен, к тому же боязлив. Хочешь, чтобы как клещ был нанизан на копьё врага? Хочешь, чтобы погиб, упав с лошади, когда за ним погонятся китайцы? Невестка наша тоже на сносях. Дяде Оспану нечего терять: он пожил, повидал белый свет. Не может успокоиться, пока не купит за верблюдицу раздоры чужих козлов! — вдруг разошлась мать, женщина кроткая и тихая.

— Молчать! — осёк её отец.

С тех пор, обосновавшись в горах, ходил по камням. Взяв в руки оружие, направлял его против врага, был в гуще грозных событий.

— Проклятье, раньше их солдаты не могли даже скакать верхом на коне, пока не вцепятся сзади в какого-нибудь казаха. Уже на рысях эти слабоногие китайцы не могли удержаться и падали с лошадей как болванчики. Куда им равняться с истинным верховым казахом, который, как тигр, питается мясом! Сплошь травоядные! — громогласно восклицал батыр Оспан. — Нападайте на врага с кличем! Пусть душа его содрогнется!

Не признавший Советы и восставший против Китайского режима гордый воин не смог избежать вражеских пуль. Застигнутый врасплох, он с честью принял свою смерть.

Не могли вошедшие в силу и власть гоминдановцы оставить их в покое. Лишенных командира, их преследовали повсюду, пока не загнали, словно в овечьи стойла, в тюрьмы Кульджи.

Теперь те, кто ел, поджаривая на огне, мышей, стали недосыгаемы. Живой твари не осталось вокруг. Чудом остался, и еле выполз из этого ада на четвереньках.

Через год дверь в жизнь открыл и его младший сын...

Когда каждый из них ещё пугался собственных ушей, Советы, проявив благосклонность, открыли границу. И хлынули горячие новости: разрешено возвратиться тем, кто страстно желает вернуться на историческую родину. Началась суматоха. Из уст в уста передавались самые невероятные сообщения.

— Радость-то какая: говорят, граница открыта на целый год!

— Нет-нет, всего лишь на месяц.

— Поговаривают, что Советы примут только тогда, когда допроят и мужчин и женщин поодиночке.

— Китайцы обещали сосчитать даже вшей на нашем нижнем белье и оставить их у себя.

Народ гудел.

Умирбай спешно отправил Асемай и двоих сыновей к родственникам жены, живших в предгорьях Алтая. Слышал, что те тоже, собрав свои пожитки, сидят как на иголках, ожидая перекочёвки. Сам же, попрощавшись с прахом родителей, решил пойти напрямик к воротам пограничного пропускного пункта. По расчётам, пока придут его семья и родственники жены, он сумеет занять очередь на пограничном пункте, узнает все условия перехода границы.

Молва гласила, будто на границе люди сами решают, в каких местах им жить, а, если семья и родные не попали в общий список, то разбрасывают по разным местам и что потом можно потеряться.

Когда Умирбай прибыл на змыленном коне, ворота границы, которые были открыты всего три дня, уже закрылись. Это был тот момент, когда обе стороны собирались возводить пограничные посты. Он рванулся вперёд, расталкивая толпы людей, давивших друг другу.

— Видели, как вчера твои родственники перешли на ту сторону, — сказали ему.

— Найманы все прошли целиком.

— Сегодня дошла очередь и до албанов¹, — судачили в толпе.

Стало быть, семья уже там. Настроение его поднялось. Взяв с собой сбрую, попрощался с конём, погладив его по холке. С трепетом ступил на обетованную землю своих предков...

Много лет подряд терзает его бессонница... Вот и на этот раз мысли не дают покоя, грызут его как голодные волки. Умирбай, не выдержав, встал. Прикурил сигарету. Миловидная женщина, лицо которой уже прорезают морщинки, мерно дышала рядом в объятьях сладкого сна.

Горький дым сигареты обжигал нутро, но давал успокоение. Попытался найти пепельницу. Пальцы зацепились за магнитофон, размером с детскую ладонь. Прилёг и снова накрылся одеялом. А потом на ошупь нажал на магнитофоне кнопку величиной с беличий глаз... О, создатель, тут же заговорила его Асемай, которая потерялась в те далекие сумбурные годы. Звуки её голоса раньше напоминали звучание свирели, когда вошла она в дом молодой невесткой.

Выходя смущенно из-за тканевой перегородки для молодоженов, смуглая и красивая, с двумя длинными косами, по традиции наливала чай свёкру и свекрови. Казалось, что все вокруг озарялось, когда она, почтительно опустив взор, улыбалась своими ямочками на щеках. Говорила немного надтреснутым голосом:

¹ Найманы, албаны — казахские племена.

— Низкий поклон вам и приветствие, Умеке!¹... Это я — Асемай, волей Всевышнего соединённая с вами супружескими узами.

Тело его пронзили тысячи иголок. Сердце готово было выскочить из груди, он задыхался. Магнитофонная кассета крутилась неумолимо.

— Вы не забыли нас? Детям сказала, что пусть хотя бы слова мои дойдут до вас. Что поделатъ, видно, на роду у нас так было написано. Когда мы впопыхах добрались с Алтая, пропускной пункт уже наглухо закрыли, чтобы больше не открывать. Вы, не оглядываясь назад, успели перейти границу вместе со всеми. Я предчувствовала это, и всю дорогу подергивалось левое веко...

Его опять накрыло волной старых воспоминаний. Потеряв самого себя, растворяясь в светлом мираже, идёт куда-то. В памяти возник какой-то слабый отблеск, и чудом ожили звуки во время столпотворения у пограничного поста.

Когда, сбившись с ног, искал жену, двух тонкошеих воронят и родственников, перешедших, как говорили, вчера вместе со всей толпой, услышал приказ начальника пограничного поста с китайской стороны:

— Пусть Умирбай, если душа его еще жива, явится сюда!

Слышавшие эту весть близкие соседи и дальние родственники стали наперебой судачить.

— Я так и знал, что возникнут подобные неурядицы!

— Что ты имеешь в виду? Наверное, хотят уточнить состав семьи.

— Думаешь, ради Асемай и двоих малышей вновь откроют пропускной пункт?

— Не ходи! Вышел указ, чтобы тех, кто был рядом с батыром Оспаном, не пропускать на Советскую сторону.

— Говорят: «Кто проскочил незамеченным, теперь хотят вызвать обманом и запереть в тюрьму Кульджи».

— Сказали, чтобы «руки и ноги заковать в цепи и кандалы, а языки отрезать под корень».

— Не признавайся, Умирбай. Не переживай: «Жена — в пути, а дети — в поясице...»

— Когда мы решили, что наконец-то ступили на родную землю, нам навстречу вышли одни пьяные мародёры.

— Кругом одни проныры и жулики, требуют, чтобы им отдали деньги и жун-жун². «Ой-бай, куда мы попали?» — возмущались женщины и старухи.

Пока собирался с рассеявшимися и без того скудными мыслями, подошёл подтянутый русский офицер и погнал его перед собой...

— Позже слышала, что женились вы на одной из красавиц Советов. Хорошо, если за пазухой у неё уютно. Мы же, злосчастные, живя воспоминаниями преже-

них лет, так и состарились. Видимо, в тот момент, когда вы обновили ложе, видела я один предрассветный сон. Во сне, о Боже, вы стали таким побелевшим и покрасивевшим. Взяв за руку свою невесту и отдалившись от нас, исполняете вдвоем танец «Черный иноходец». Пробудилась от рыданий... Говорю то одно, то другое... Передала вам дублёнку. Какое теперь осталось здоровье, носите, пожалуйста, Умеке...

Хотел прервать раздирающий душу монолог, но дрожащими пальцами не мог отыскать эту кнопку с беличий глаз...

Прослышала, значит. Раздавленный и заблудший, наконец-то нашёл он приют в доме Базаркуль, у которой уже была дочь от первого брака. Базаркуль моложе его на двенадцать лет. Так она больше и не родила. Она содержит магазин в ауле, а сам он работает почталыоном, все-таки возраст...

— Умеке, досада и обида не дают покоя, требуют высказаться, Умеке. По возвращении написала заявление и просьбу о воссоединении с супругом. А так как нас соединили религиозным обрядом, откуда же было взяться свидетельству о браке?! Начальник пограничного пункта оказался порядочным человеком. Сказал, если муж подтвердит, что вы соединены супружескими узами...

Всё его тело пробирали дрожь, словно в лихорадке, и он вновь и вновь прикуривал сигарету. Синий дым, закрубившись, закрыл пеленой глаза.

Да, подтянутый в струночку русский офицер, как под конвоем повел его впереди себя. Допрос был коротким.

— Это правда, что у вас есть жена? — спросил круглый, как колобок, китаец.

— Нет. Какая ещё жена? И Оспана батыра никогда в жизни не встречал, — отвечал он.

— А дети есть?

— Никого не знаю. Против властей не воевал, — отвечал он удручённо.

— Выходит, вы одиночка?

— Да...

— Умеке, скажи вы тогда «да, осталась Асемай с двумя сыновьями! Отпустите их!» — Нас вот-вот собирались пропустить. Мы же сидели в соседней комнате и слышали весь ход вашего допроса. Почему же вы от нас отказались, как вы могли принести нас в жертву?! Вы же были мягкосердечны...»

Умирбай, не сдержав рыданий, повалился в постель. С головой ушел под одеяло. Слезы горячими ручейками обжигали лицо. Голос в крохотном магнитофончике утих, и перед ним возник образ Асемай. Такой же, как тогда, когда она впервые переступила порог их дома, — чистое смуглое лицо и густые тёмные волосы, ямочки на щеках... Её чуть-чуть надтреснувший голос, смягчившись, вдруг зазвучал по-прежнему словно свирель.

— После этого нас поселили в приграничном ауле. Зимой присматривали за скотом, летом косили сено. Замерзая на морозе, сгорая под солнцем, подняла ваших

¹ Умеке — почтительно-ласкательное имя Умирбая.

² Жун-жун — казахское название китайской водки.

двоих сыновей. Умеке, я никому не давала их в обиду: не смахнули их крылом и не склевали их клювом. В прежние годы косили мы сено в Кульсае, оба наших сорванца, поднявшись на гору, долго высматривали вас по ту сторону границы. Если видели кого-то идущего с той стороны чуть ли не взлетали от радости, думая, что это возвращается их отец. Я тоже, вслед за ними, верила, что Умеке нас не забыл, и начинала напевать. Помните, мы молодыми, играли в «Аксуек» и катались на качелях «Алтыбакан», и тогда при лунном свете все вместе пели про «Гусиного птенца»? Помните?

*Милый край, где кочует родной аул,
Где копыта коней поднимают гул.
Пробудил ты в сердце навечно огонь!
Где любимой держал я в ладони ладонь.
Е-ей, лихой удалец-молодец,
Ты покинул гнездо, как гусиный птенец!..*

Неужели эта песня, которую мы пели хором с двумя сиротинушками, не долетала до вашего слуха, Умеке?..

Откинув душившее его одеяло, он завопил истошным голосом, достигавшим, казалось, всех закоулков света:

— Асемай!.. Живьем ты меня зарываешь!.. Деточки вы мои... Детки! Простите несчастного! Простите отца вашего!

Лежавшая рядом молодая, белолицая жена, с наметившимися морщинками, бормоча во сне, отвернулась лицом к стене:

— Бестолковщина! Доиграешься до Лебединой песни! Куда тычешься?!..

Ночная тьма рассеивалась, прячась по углам комнаты. Приподнимался полог рассвета.

2006 г.